

А. А. Касатов

Жесты и письменное слово в баронии Грама середины XIV в. (по материалам НИА СПбИИ РАН)

В Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН хранится лист пергамена, некогда приобретенный выдающимся российским ученым и коллекционером академиком Н. П. Лихачевым, на котором помещены сразу два документа (грамоты), составленные от лица одного нотариуса с разницей в один день (9 и 10 апреля соответственно) 1366 г., которыми зафиксировано установление связи сеньор–вассал между благородными людьми (*nobiles homines*) согласно принятым правилам, служившим оформлению того, что традиционно принято называть «феодальными отношениями».

Обе грамоты описывают почти исключительно французские реалии, а именно установление вассально-сеньориальных отношений между французскими землевладельцами. Суть дела не меняет то обстоятельство, что территория исторической провинции (сенешальства) Керси с центром в Кагоре, в пределах которой и лежали их владения, отошла по миру в Бретиньи от 8 мая 1360 г. английской короне¹. Верховным сюзереном, а может быть, и сеньором некоторых лиц, названных в документах, был Эдуард Черный принц (1330–1376), старший сына Эдуарда III (1312–1377).

Нам неизвестно в точности, у кого Н. П. Лихачев приобрел этот кусок пергамена, поскольку круг его корреспондентов был весьма обширен². В ряде слу-

¹ *Moisant J.* Le prince Noir en Aquitaine 1355–56–1362–1370. Paris, 1894. P. 77, 81.

² СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 82, 84, 87, 30, 246; НИА СПбИИ РАН. Колл. 55. Вопрос формирования коллекции был обстоятельно освещен сначала в докладе А. В. Чирковой

чаев существенным, а иногда единственным подспорьем в деле установления происхождения документов оказываются обложки, которыми снабжены некоторые из них, и прежде всего наклеенные на эти обложки аннотации, нередко представляющие собой вырезки из аукционных или торговых каталогов³. В нашем распоряжении есть только аннотация, которая представляет собой вырезку из каталога, в чем нас убеждает и № 10523, являющийся номером лота, под которым этот документ проходил на каком-то аукционе.

Обращение к каталогам антикварных домов Шараве, у которых Н. П. Лихачев приобретал многие документы, не дало результатов. А вот знакомство с документами, приобретенными Н. П. Лихачевым у братьев Саффруа (Saffroy frères) позволяет предположить, что наш документ был куплен как раз у этого антикварного дома⁴. Они также имеют наклейки со сходно оформленным компактным текстом и указанием цены во франках (наш документ был оценен в 6 франков).

Пергаменный лист, содержащий рассматриваемые документы, имеет размеры 280 × 360 мм; сами документы, будучи оформлены южнофранцузским нотарием, не несут на себе следов печати, не имеют прорезей, через которые могли бы быть протянуты пергаменная ленточка или шелковые нити, с помощью которых в ту пору привешивалась печать. Личный знак нотариуса помещен в конце каждого документа. Лист некогда был сложен в четыре раза по вертикали и один раз по горизонтали. В одном месте, как раз на вертикальном сгибе, документ протерт и разорван, еще в одном мы находим две небольшие дырочки, еще один дефект листа, который к тому же сверху был чем-то залит или запачкан. То, что к тексту обращались, должно быть, архивисты последующих веков, видно по некоторым подчеркиваниям. Судя по цвету чернил, нельзя исключить того, что они были сделаны еще в средневековье, а смысл их, как представляется, состоял в выделении наиболее важных мест текста, т. е. указаний на действующих лиц, отдельные имена и названия мест, просто понятия, смысл которых читатель грамоты пытался себе уяснить, когда, например, он сталкивался с общим указанием на какие-либо правоотношения, представить которые конкретно можно было, лишь внимательно изучив содержание документа. Обратная (дорсальная) сторона пергамена содержит крайне мало помет.

«Французские акты XI–XIII вв. из собрания Н. П. Лихачева: к вопросу о формировании коллекции», прочитанном на конференции «Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа», приуроченной к проведению выставки «Звучат лишь письма»: к 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева 15–17 мая 2012 г., а потом и в статье: *Чиркова А. В.* Французские акты XI–XIII вв. из собрания Н. П. Лихачева: к вопросу о формировании коллекции // Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа: Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXI. СПб., 2014. С. 122–135.

³ *Климанов Л. Г.* Н. П. Лихачев-коллекционер и его связи: антиквары, коллекционеры, ученые (по различным источникам) // Звучат лишь письма. СПб., 2012. С. 565.

⁴ НИА СПб ИИ РАН. Колл. 9. Картон 342. Д. 13. Выражаю признательность сотруднице Научно-исторического архива СПб ИИ РАН Е. И. Носовой за помощь в идентификации коллекционерского дома.

Текст обоих документов (грамот) написан характерным для французских документов XIV в. канцелярским курсивом⁵.

Обе грамоты близки по содержанию и были составлены в пользу одного и того же человека, сеньора Грама, Жана д'Эгрефёй, который был, очевидно, наиболее заинтересован в документальном подтверждении принесенного ему оммажа и был даже инициатором в деле составления документа, что и объясняет их появление на одном листе пергамента.

Барония Грама, сформировавшаяся к середине X в., была не самым последним феодальным владением в Тулузском графстве, а бароны Грама были арьервассалами французских королей. Весьма обширная барония Грама включала в себя шателенства Грама (Gramat), Каренак (Carenac), Лубрессак (Loubressac), Айнак (Aunac), Мренак-Лантур (Mayrinhac-Lentour), Лавернь (Lavergne) и др. Названные шателенства лежали в границах целого ряда церковных приходов епархии Кагор, в частности шателенство Каренак располагалось на территории прихода Менаг (Maunagues). Многие из перечисленных топонимов упомянуты в двух исследуемых грамотах.

Грамоты интересны по двум причинам: как отражение практики нотариального свидетельства, которая утвердилась в Южной Франции уже к середине XIII в.; и как отражение такого древнего явления, восходящего к франкским, если не к еще более отдаленным временам, пусть и поздно фиксируемого посредством специальной терминологии (*hominium* и *homo*), как оммаж, сопровождавшийся целой серией специальных жестов.

Отсутствие печатей объясняется тем фактом, что именно нотариии придавали законную силу составляемым ими документам. Сначала они ставили знак (*signum*), а позже стали подписывать документы, причем каждый имел свою форму подписи. В документе нотариий назван «публичным», а упомянутое в нашем документе определение «*clericus*» почти наверняка свидетельствует о его принадлежности к духовенству. Имя нотариия написано нечетко, возможно, не обошлось и без сокращений. Точно можно сказать, что его звали Раймунд. Откуда он происходил — остается только гадать, но право заверять документы своей подписью он мог получить от консулов Грама, ведь институт консулата возник здесь еще в 1224 г.

Что касается общей исторической ситуации, описанной в документах, то известно, что еще 7 января 1365 г. отец главного героя наших грамот, Адемар, принес оммаж за баронию Грама, но почти сразу же передал ее своему, как сказано в одном из документов, «эмансипированному», т.е. признанному самостоятельным, сыну Жану. В феврале 1365 г. Жан д'Эгрефёй женится на Анне де Террид, дочери Бертрана, сеньора баронии Грама. С большой долей вероятности установлено, что начало нового года в этот период отсчитывалось от праздника Благовещения в Лангедоке и особенно в Руэрге, и Керси, приходившегося

⁵ НИА СПбИИ РАН. Колл. 18. Картон 381. Д. 6.

на 25 марта. Можно сказать, что между событиями, описанными в грамотах, и самим актом передачи имущества (апрель 1366 г.) прошли считанные месяцы. Произшедшая смена владельцев и потребовала повторной процедуры оммажа со стороны вассалов⁶.

Документ сообщает всем, кто его «увидит» или «услышит», что в год 1366, в четверг (*die Jovis*), в девятый день месяца апреля около Грама в диоцезе Кагора перед лицом нотариуса Раймунда и свидетелей, поименно названных в конце документа, собрались представители местного дворянства. Далее в грамоте содержится описание круга лиц, отношения между которыми она и была призвана оформить. Сказано, что перед лицом знатного и могущественного (*coram nobili et potenti*) Жана д'Эгрёфёй явился Раймунд де Верноль. При этом оба они именовались *domicellus*, по всей видимости, в значении молодой господин, что и понятно, учитывая, что названный Раймунд действовал с согласия и по воле отца, тоже Раймунда, а Жан д'Эгрёфёй совсем недавно женился. Раймунд-младший представлял одновременно свою жену, добровольно и по ее поручению, вместо нее и от ее имени, Жанну Ангулемскую (*Ingolisma*). Он признал за себя и свою жену тот факт, что он держит в настоящий момент, а предшественники самой Жанны держали ранее от предшественников сеньора Грама перечисленные дальше в грамоте владения. Раймунд перенимал на себя те обязательства, которые выполняли предшественники Жанны как землевладельцы.

Статус имущества, которое держал от Жана д'Эгрёфёй названный Раймунд, было определено как «свободный и почетный феодал» (*feudum francum et honoratum*). Имущество с таким статусом было распространено как раз на территории Юга, и юридически такие свободные феодалы занимали промежуточное положение между собственно феодалами и аллодами, а выражение *feudum honoratum* появляется в документах XII в. (например в 1185)⁷. Однако в отличие от аллода «свободный феодал» вовсе не являлся имуществом, независимым от какого бы то ни было сеньора, его обладатель — вассал, он приносил оммаж и клятву верности. Такой свободный феодал подчинялся правилу наследования по мужской линии и правилу примогенитуры, общему для системы феодалов. Ф.Л. Гансхоф отмечает, что свободный феодал в Лангедоке уже к концу XII в. был четко очерченным институтом, предполагая лишь клятву верности да право сеньора воспользоваться замком, если таковой имелся в границах феодала⁸.

⁶ См. *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris, 1925. P. 107; Garrigues Damien Les styles du commencement de l'année dans le Midi. L'emploi de l'année pisane en pays toulousain et Languedoc // *Annales du Midi: revue archéologique, historique et philologique de la France méridionale* Année 1941. Vol. 53. N 211. P. 239.

⁷ *Chénon É.* Étude sur l'histoire des alleux en France: avec une carte des pays allodiaux. Paris, 1888. Vol. 1. P. 88–89; *Ourliac P.* La féodalité et son histoire // *Revue historique de droit français et étranger.* 1975. 73e année. P. 14; *Fourquin G.* Seigneurie et féodalité. Paris, 1970. P. 128.

⁸ *Ganshof F.L.* Feudalism. Reprint of the 3rd ed. New York, 1996. P. 119.

Любопытен сам по себе факт письменной фиксации процедуры оммажа, свидетельствующий о постепенном слиянии двух практик, порожденных разными историческими условиями. В документе красноречиво описана процедура принесения оммажа Раймундом новому сеньору, Жану д'Эгрефёй: преклонив колени (*flexis genibus*), сбросив капюшон (*amoto capucio*), протянув сложенные руки, которые охватили (хотя точнее перевести «похлопали») руки сеньора (*manibus junctis et manibus dicti nobilis domini de Gramato conplosis*), — он принес оммаж и клятву верности, скрепив его отдельно клятвой на Священном Писании (*ad sacra dei evangelia juramentum*). При этом они оба поклялись, один — быть верным и добрым вассалом, второй — защищать его. После сказанного последовали «поцелуй мира» и акт инвеституры (*cum pacis osculo investivit*). Приведенную фразу можно было бы понимать как совершение акта инвеституры путем поцелуя, что совершенно чуждо классическому оммажу, где эти процедуры были разведены. Однако нам представляется более верным просто механическое соединение двух актов, как таковое, тоже знаковое и редко встречающееся явление. Далее, по просьбе уже Бертрана де Террид, Раймунд, нотариий, составил документ в более совершенной форме (*meliore forma*) и передал его барону де Террид. По всей видимости, речь шла о каком-то другом документе.

Следующая грамота содержит текст, весьма близкий по содержанию только что рассмотренному, только в качестве действующего лица назван некто Бертран де Туела. Он, как и Раймунд, предстал перед Жаном д'Эгрефёй, но обряд оммажа здесь представлен иначе. Бертран, в отличие от Раймунда, не склонил колени, а остался стоять, в то время как его сеньор — сидеть (*stando pedibus et dicto nobili sedendo*). Можно объяснить это тем, что Бертран в отличие от Раймунда, названного *domicellus*, т.е. молодой господин, а то и просто оруженосец, был рыцарем (*miles*), то есть лицом более высокого статуса. Имевшая место процедура также была осуществлена при посредничестве прево Бертрана де Террид, Геральда.

Как и в первом случае, последовала процедура отказа и освобождения (*quitavit et liberavit*) Бертрана от оммажа и клятвы верности прежнему сеньору Грамма Бертрану де Террид, после чего он торжественно обещал за себя и наследников держать имущество, чье местоположение было подробно описано и располагалось в границах современного департамента Лот, на праве свободного и почетного феода от Жана д'Эгрефёй. Названный Бертран, обнажив голову (*amoto capucio*), принес оммаж и поклялся на Священном Писании быть вассалом Жана и хранить ему верность (*esse debere vassallus... fecit omathgium et fidelitatis ad sancta dei evangelia juramentum*). В свою очередь Жан брал на себя обязательства обращаться с Бертраном так, как «должен добрый и верный господин поступать со своим вассалом» (*que bonus et fidelis dominus facit et facere debet et tenetur suo fideli vassalo*). После чего последовал всё тот же поцелуй мира и акт инвеституры (*cum osculo pacis investivit*). Отметим, что в документе никак не выражен жест сложенных и вложенных друг в друга рук и вообще ни-

как не упомянуто, были ли они как-либо задействованы. По просьбе обеих сторон нотариус Раймунд составил два экземпляра — по одному для каждой из сторон (*duo consimilia instrumenta*, но текст в этом месте читается плохо), указав при этом, что так ему положено по должности. Скорее всего, одним из этих экземпляров и был наш лист пергамента, в то время как другой экземпляр должен был получить Бертран.

В обеих грамотах хорошо представлен весь цикл составления документа, который был совершен нотариусом. Он составлялся для каждой из них, после чего следовала проверка (*inquisivi*), затем вносилась соответствующая запись в регистр, потом готовился «чистовой» (переписанный набело) отпуск (*rescripi, notavi, grossavi*), с тем чтобы документ приобрел общественно признанную форму (*in... formam publicam*), после чего ставился именной знак (*signoque meo solito signavi*). Завершая второй документ, нотариус особо оговорил, что настоящая грамота (имелись в виду оба текста) остается сеньору Грама (*hoc est instrumentum domini de Gramato*), названному Жану д'Эгрефёй.

Списки свидетелей обоих документов несколько отличаются, причем в первом случае он был более подробным, что, возможно, объясняется более сложной ситуацией, а именно: вассал не просто приносил оммаж новому сеньору, но и женился на женщине, державшей отчуждаемые владения от этого сеньора, что автоматически расширяло круг заинтересованных лиц. Обращение к инвентарям этой баронии показывает, что подобного рода оммажи Жану д'Эгрефёй приносили и другие держатели. Так, некто Вильгельм де Валет и Арман де Грама (должно быть, местный уроженец) оба были держателями названного Жана, но только первый принес оммаж в следующем — 1367 г.⁹ О времени принесения оммажа вторым нам ничего неизвестно.

Подводя итог, можно утверждать, что наш документ, являясь, бесспорно, оригиналом, проливает дополнительный свет на практику позднего оммажа, где наряду с традиционными военной и имущественной составляющей важное место занимает идея мира и защиты. Тем более что в условиях Столетней войны последнее было совершенно нелишним. Одновременно мы в очередной раз сталкиваемся с укоренившейся традицией письменной фиксации таких отношений, равно как получаем свидетельство активности нотариата и обстоятельств работы нотариуса в Южной Франции XIV в., не говоря уже о том, что сам по себе документ несет индивидуальность составившего его нотариуса Раймунда, что выразилось в двух каллиграфически выполненных подписях.

References

- Chénon É.* Étude sur l'histoire des alleux en France: avec une carte des pays allodiaux. Paris, 1888. Vol. 1.
Chirkova A. V. Francuzskie aktû XI–XIII vv, iz sobraniâ N. P. Lihačeva: k voprosu o formirovanii kollekcii // Nasledie Nikolaâ Petrovicha Lichačeva: interpretaciâ teksta i obraza. Trudî Gosudarstvennogo Ermitaža. T. LXXI. SPb., 2014. S. 122–135.

⁹ Inventaire sommaire des archives départementales antérieures à 1790: Lot: Table générale des série A à H. 2 vols. Cahors, 1938. Tome 1. Serie F. P. 143.

Fourquin G. Seigneurie et féodalité. Paris, 1970.

Ganshof F.L. Feudalism. Reprint of the 3rd ed. New York, 1996.

Garrigues D. Les styles du commencement de l'année dans le Midi. L'emploi de l'année pisane en pays toulousain et Languedoc // *Annales du Midi: revue archéologique, historique et philologique de la France méridionale* Année 1941. Vol. 53. N 211. P. 237–270.

Giry A. Manuel de diplomatique. Paris, 1925.

Inventaire sommaire des archives départementales antérieures à 1790: Lot: Table générale des série A à H. 2 vols. Cahors, 1938. Tome 1. Serie F.

Klimanov L. G. Lihachev – kollektioner i ego svyazi: antikvari, kollektioneri, uchenîe (po razlichnîm istochnikam) // *Zvuchat lich' pismaena.* SPb., 2012. S. 565–594.

Moisant J. Le prince Noir en Aquitaine 1355–56–1362–1370. Paris, 1894.

Ourliac P. La féodalité et son histoire // *Revue historique de droit français et étranger.* 1975. 73e année.

Список литературы

Chénon É. Étude sur l'histoire des alleux en France: avec une carte des pays allodiaux. Paris, 1888. Vol. 1.

Fourquin G. Seigneurie et féodalité. Paris, 1970.

Ganshof F.L. Feudalism. Reprint of the 3rd ed. New York. 1996. P. 119.

Garrigues D. Les styles du commencement de l'année dans le Midi. L'emploi de l'année pisane en pays toulousain et Languedoc // *Annales du Midi: revue archéologique, historique et philologique de la France méridionale* Année 1941. Vol. 53. N 211. P. 237–270.

Giry A. Manuel de diplomatique. Paris, 1925.

Inventaire sommaire des archives départementales antérieures à 1790: Lot: Table générale des série A à H. 2 vols. Cahors, 1938. Tome 1. Serie F.

Moisant J. Le prince Noir en Aquitaine 1355–56–1362–1370. Paris, 1894.

Ourliac P. La féodalité et son histoire // *Revue historique de droit français et étranger.* 1975. 73e année.

Климанов Л. Г. Н. П. Лихачев-коллекционер и его связи: антиквары, коллекционеры, ученые (по различным источникам) // *Звучат лишь письма.* СПб., 2012. С. 565.

Чиркова А. В. Французские акты XI–XIII вв. из собрания Н. П. Лихачева: к вопросу о формировании коллекции // *Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. Труды Государственного Эрмитажа.* Т. LXXI. СПб., 2014. С. 122–135.